

**ДЕЛО "КОЛОМБАНИ И ДР. (COLOMBANI ET AUTRES c. FRANCE) против
ФРАНЦИИ"**

Постановление суда от 25 июня 2002 г.

Настоящее постановление считается окончательным в соответствии с положениями, определенными п.2 статьи 44 Конвенции. Оно может быть подвергнуто только редактированию по форме.

По делу *"Коломбани и др. против Франции"*,

Европейский суд по правам человека (вторая палата), провел заседание в составе:

г-н А.Б.Бака (A.B. Baka), Председатель,

г-н Ж.-П.Коста (J.-P. Costa),

г-н Г.Йорундсон (Gaukur Jorundsson),

г-н К.Юнгверт (K. Jungwiert),

г-н В.Буткевич,

г-жа В.Томассен (W. Thomassen),

г-н М.Угрехелидзе, судьи,

и г-жа С.Доль (S. Dolle), секретарь палаты суда,

после совещания за закрытыми дверями 4 сентября 2001 г. и 4 июня 2002 г.,

пришел к следующему постановлению, которое было вынесено в последний из указанных выше дней:

ПРОЦЕДУРА

1. В основе дела лежит жалоба (№ 51279/99), направленная против французской Республики. Два заявителя — граждане этого государства — господин Жан-Мари Коломбани (Jean-Marie Colombani) и господин Эрик Инсьян (Eric Incyan), а также компания "Монд" ("Le Monde") (именуемые в дальнейшем "Заявители") 19 апреля 1999 г. представили её Суду в силу статьи 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (именуемой в дальнейшем "Конвенция").

2. Заявители представлены в Суде госпожой А.Лион-Кайен (A. Lyon-Caen), адвокатом Государственного совета и Кассационного суда Парижа. Французское правительство (именуемое в дальнейшем "Правительство") представлено его уполномоченным представителем, господином Р.Абрахамом (R. Abraham), директором правового департамента министерства иностранных дел.

3. Заявители, в частности, указывали на посягательство на их право на свободу слова, декларируемую статьей 10 Конвенции

4. Жалоба была передана на рассмотрение третьей палаты Суда (§ 1 статьи 52 регламента). В составе этой палаты Суда в соответствии с § 1 статьи 26 регламента была сформирована палата, которой было поручено рассмотрение дела (статья 27 § 1 Конвенции).

5. Решением от 4 сентября 2001г. палата объявила жалобу частично приемлемой.

6. 1 ноября 2001 г. Суд изменил состав своих палат (§ 1 статьи 25 регламента). Настоящее заявление было передано на рассмотрение второй, также измененной по составу, палаты (статья 52 § 1).

7. Правительство представило свои письменные возражения по существу жалобы, но уточнения по жалобе не испрашивались у Заявителей.

ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Первые два Заявителя родились в 1948 и в 1960 годах соответственно и в настоящее время постоянно проживают в Париже.

9. Когда государство Марокко обратилось с заявлением о принятии его в Европейское Сообщество, то, чтобы оценить его кандидатуру, Европейской Комиссии сообщества понадобилась полная информация о производстве марихуаны в этом государстве и о мерах по борьбе с этим злом, принимаемых в соответствии с политической волей, выраженной самим королём Марокко. С этой целью генеральный секретарь Комиссии попросил Геополитическую обсерваторию наркотиков (l'Observatoire gйopolitique des drogues - "OGD") провести исследование вопроса о производстве и торговле наркотиков в Марокко. Расследования и доклады, со ссылкой на отчет указанной Обсерватории, были распространены в различных изданиях, среди получателей которых числятся, в частности, Трибунал большого процесса и прокуратура Парижа.

10. По данному делу "OGD" передала свой отчет Комиссии европейского сообщества в феврале 1994 г. В этом отчете приводились имена лиц, замешанных в торговле наркотиками в Марокко. Но чтобы более эффективно использовать этот документ на переговорах, проводимых с марокканскими властями, Комиссия попросила у "OGD" составить новую версию отчета, изъяв из текста имена торговцев наркотиками. Именно эта купированная версия первоначального отчета и была опубликована в издании, распространяемом "OGD" — "Наркотики государств" ("Drogues des Etats"), одна из глав которого была посвящена Марокко. "Le Monde" упомянула об этой публикации в своем номере от 25 мая 1994 г.

11. Что касается первоначальной версии, то некоторое время она оставалась конфиденциальной — до того момента, когда начала циркулировать в печати. "Le Monde" об этом стало известно осенью 1995г. В своей первоначальной версии отчет состоял из девяти глав, озаглавленных соответственно: 1) "марихуана в Марокко в историческом контексте", 2) "социально-экономические последствия и районы производства", 3) "расширение площадей выращивания марихуаны", 4) "Марокко — первый в мире экспортер марихуаны", 5) "Пути транспортировки наркотиков", 6) "Сети сбыта", 7) "Производство тяжелых наркотиков", 8) "Деньги от торговли наркотиками", 9) "Войны между торговцами наркотиков". В четырех первых главах было показано, что за десять последних лет количество земельных площадей, занятых под выращивание марихуаны в регионе Риф (Rif), увеличилось в десять раз, и что сегодня объем ее производства позволяет считать "шерифское королевство серьезным претендентом на роль ведущего мирового экспортера гашиша".

12. В своем номере от 3 ноября 1995 г. “Le Monde” осветила этот отчет в статье, подписанной Эриком Инсьяном.

13. Статья была напечатана на первой полосе под названием “Марокко — ведущий мировой экспортер гашиша” и с подзаголовком “Конфиденциальный отчет обвиняет окружение короля Хасана II”. Довольно короткая статья (около тридцати строк в двух колонках) подводила итог выводам из отчета “OGD”. На 2-й полосе была опубликована развернутая статья (из шести колонок) под названием “Конфиденциальный отчет обвиняет марокканскую власть в торговле гашишем” и с подзаголовком: “Согласно этому документу, заказанному Европейским союзом у геополитической обсерватории наркотиков, Марокко является основным мировым экспортером и ведущим поставщиком гашиша на европейский рынок. Этот документ указывает на прямую ответственность королевского двора за участие в этом прибыльном занятии”. Содержание статьи, кроме того, было резюмировано во вступлении, изложенном в том же стиле: “Наркотики. — В конфиденциальном отчете, переданном в 1994 г. Европейскому союзу, копией которого располагает “Le Monde”, геополитическая обсерватория наркотиков доказывает, что Марокко стало в течение нескольких последних лет основным экспортером гашиша в мире и ведущим его поставщиком на европейский рынок. Это исследование ставит под сомнение желание королевского правительства прекратить торговлю наркотиками, несмотря на разрекламированную им “войну наркотикам”, которую оно объявило осенью 1992 г. Коррумпированные чиновники “от рядовых таможенных служащих до приближенных к Дворцу <...>” обеспечивают поддержку и защиту торговой сети наркотиков.

14. Письмом от 23 ноября 1995 г. король Марокко направил французскому министру иностранных дел официальное требование об уголовном преследовании газеты “Le Monde”. Это заявление было передано министру юстиции, который, в свою очередь, передал дело на рассмотрение в парижскую прокуратуру, в соответствии с положениями статьи 48-5 закона от 29 июля 1881 г.

15. Господин Жан-Мари Коломбани, директор публикации газеты “Монд” (“Le Monde”), и автор статьи, господин Эрик Инсьян, были вызваны и предстали перед Исправительным трибуналом Парижа по обвинению в оскорблении главы иностранного государства.

16. Своим постановлением от 5 июля 1996 г. Исправительный трибунал, считая, что журналист ограничился тем, что без нападок и преувеличений или искажающей интерпретации процитировал выдержки отчета, серьезность которого не была оспорена, и что, таким образом, он преследовал законную цель, действуя добросовестно, освободил его, а также господина Жана-Мари Коломбани, от дальнейшего судебного преследования.

17. Король Марокко, также как и прокуратура, обжаловал это судебное решение.

18. Постановлением от 6 марта 1997 г. Парижский апелляционный суд, признавая, что “доведение прессой до публики такого рода информации, как международная торговля наркотиками, преследует безусловно законную цель”, посчитал, что желание привлечь внимание публики к ответственности королевского двора и к “потворству властей, включая и короля”, “не было свободно от недружелюбия”, так как оно несет “следы враждебного намерения”. Инкриминированные статьи содержали “обвинения в двуличности, уловках, лицемерии, что является оскорблением главы иностранного государства”. Поскольку журналист не предпринял “попытки проверить точность комментариев “OGD””, поскольку он односторонне придерживался версии этой организации, “делая себя официальным представителем позиции, содержащей серьезные обвинения”, не позволив себе выразить ни малейшего сомнения в серьезности этого информационного источника, - все эти обстоятельства представляют собой

злоупотребление доверием читателей. Кроме того, апелляционный суд подчеркнул, что журналист не попытался проверить, оставались ли в ноябре 1995 г. результаты исследований, проведенного в 1994 г., по-прежнему актуальными Суд отметил, что журналист не смог доказать, что предпринял “какое-нибудь обращение к официальным представителям государственных учреждений или марокканских служб с тем, чтобы получить объяснения по поводу расхождения между словами и фактами, хотя бы просто для комментариев по отчету “OGD”. Кроме того, автор воздержался от упоминания о существовании “белой книги”, опубликованной марокканскими властями в ноябре 1994 г., посвященной вопросам “общей политики Марокко в вопросе о борьбе против наркобизнеса и за экономическое развитие провинций севера [страны]”.

19. Заявители, таким образом, были признаны виновными в нанесении оскорблений главе иностранного государства и осуждены каждый к штрафу в размере 5 000 франков, а также к выплате королю Хасану II суммы, объявленной допустимой при предъявлении гражданского иска, в размере 1 франк — в качестве возмещения убытков и 10 000 франков — согласно положению статьи 475-1 уголовно-процессуального кодекса. Суд, кроме того, обязал в качестве дополнительного возмещения опубликовать на страницах “Le Monde” сообщение об этом судебном решении.

20. Заявители подали кассационную жалобу против этого приговора суда.

21. Постановлением от 20 октября 1998 г. палата по уголовным делам Кассационного суда отклонила жалобу, считая, что “оскорбительный характер публикации ставит под сомнение искренность намерений короля Марокко прекратить торговлю наркотиками в своей стране и выдвигает порочащие обвинения, не подтвержденные доказательствами. Судебное постановление представлено как не имеющее другой цели, кроме поддержания имиджа страны, тогда как, как отметил суд, обвинение в двуличности было повторено дважды, и суд констатировал, что в контексте статьи, представляющей Марокко ведущим мировым экспортером гашиша и указывающей на прямую ответственность марокканских властей и членов королевской семьи, эта настойчивость в привлечении внимания читателя к личности короля носит следы недоброжелательности”.

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО И ПРАКТИКА

22. Такое деяние, как публичное обвинение главы иностранного государства, предусмотрено статьей 36 закона от 29 июля 1881 г.: “Публичное оскорбление, нанесенное главам иностранных государств, главам иностранных правительств и министрам иностранных дел иностранных правительств наказывается заключением в тюрьму сроком на один год и штрафом в размере 300 000 франков или только одной из этих двух мер”.

23. Закон от 15 июня 2000 г. об усилении презумпции невиновности и о правах пострадавших изменил это положение, отменив наказание в виде лишения свободы.

24. Криминализация оскорбления главы иностранного государства вызвана заботой о защите высокопоставленных иностранных политических деятелей от некоторых видов посягательств на их честь и достоинство. По той же причине такое нарушение созвучно с предусмотренным статьей 26 того же закона деликтом, выражающемся в оскорблении президента французской Республики.

25. Согласно правовой практике, под оскорблением главы иностранного государства должны пониматься брань, клевета, выражения оскорбительного или обидного характера, которые унижают достоинство потерпевших лиц, обращающихся за защитой. Таким

образом, Кассационный суд уточнил, что “оскорбление главы государства (...) представляет собой фактически любое выражение презрения или словесное оскорбление, или неподтвержденные обвинения любого характера, которые затрагивают его честь или достоинство в рамках его частной жизни или исполняемых им служебных полномочий” (Угол. палата Касс. Суда, решение от 17.7.1986 г.).

26. Рассмотрение этого нарушения было проведено в соответствии с особой процедурой, предусмотренной законом от 1881 г. Статья 48 устанавливает специальное правило. Оно состоит в том, что уголовное преследование может иметь место только по заявлению пострадавшего от оскорбления, которое должно быть направлено министру иностранных дел, который его затем передает министру юстиции. К тому же не существует презумпции недобросовестности в отличие от процедуры рассмотрения дел о диффамации. Именно заявитель должен представить доказательство наличия злого умысла. В противовес этому, *exceptio veritatis* не допускается в качестве освобождения от ответственности за правонарушение, связанное с оскорблением (в отличие от того положения, которое существует в делах о диффамации). Наконец, статьи 42 и 43 устанавливают механизм солидарной ответственности. В них предусматривается, что к ответственности будут привлечены как основные авторы, так и директора или редакторы публикующих их изданий, а как соучастники – соавторы соответствующих статей.

27. Согласно заявлению Правительства, французская судебная практика ограничила действие статьи 36, указывая, что она направлена только на “борьбу с злоупотреблением свободой слова” (Парижский апелляционный суд, решение от 2 октября 1997 г.) и определила рамки понятия злоупотребления этой свободой.

28. Что касается области применения статьи 36, считалось, что инкриминирование статьи 36 не препятствует праву критики политического характера (Парижский апелляционный суд, решения от 2 октября 1997 г. и от 13 марта 1998 г.). К этой статье можно обращаться только в случае посягательства лично на главу иностранного государства, когда оскорбление наносится именно лицу, его репутации, а не политике, которую оно проводит (Парижский апелляционный суд, решение от 27 июня 1995 г.).

29. Французская судебная практика считает также, что некоторые обвинения, даже смело сформулированные и относящиеся к поведению членов королевской семьи, не посягают, тем не менее, на личность главы государства. Французская судебная практика, более того, допускает, что специально преувеличенный и саркастический тон, присущий сатирическому жанру, используемый авторами телевизионных передач, не представляет собой посягательства на частную жизнь иностранных лидеров (Парижский апелляционный суд, решение от 11 марта 1991 г.). Только особая злоба, доказывающая преднамеренное желание нанести вред, могла бы подпасть под действие статьи 36 (Парижский апелляционный суд, решение от 27 июня 1995 г.).

30. Что касается злого умысла, то французская судебная практика основывалась всегда на том принципе, что намерение оскорбить не предполагается, а подлежит доказыванию. Доказательство намерения оскорбить должно быть установлено по отношению к автору публикации (Парижский апелляционный суд, решение от 13 марта 1998 г.). Обвиняемый же располагает возможностью выдвигать публично в порядке состязательного процесса свои средства защиты, не подвергаясь сложной процедуре представления доказательств (Уголов. палата Касс. Суда, решение от 22 июня 1999 г.).

31. Правительство в связи с этим утверждает, что состав оскорбления главы государства, является привилегированным в сравнении с обычным составом клеветы, где недобросовестность предполагается. В рамках оценки вероятного злого умысла судьи рассматривают серьезность и объективность расследования, проводимого журналистами

(Парижский апелляционный суд, решение от 13 марта 1998 г.), или подкрепленный доказательствами характер утверждений (Парижский апелляционный суд решение от 2 октября 1997г.). Отсутствие *exceptio veritatis*, которое применяется при рассмотрении дел о клевете, компенсировано, таким образом, по мнению Правительства, либерализмом, проявляемым судьями при определении наличия злого умысла. (Уголов. палата Касс. Суда, решение от 22 июня 1999 г.).

32. Заявители были заслушаны в Суде, и 25 апреля 2001 г. 17-ой палатой — палатой по делам прессы — парижского Трибунала большого процесса было принято постановление, которое касалось возбуждения дела на основе заявления глав трех африканских стран, президентов Идрисса Деби (Idriss Deby), Омара Бонго (Omar Bongo) и Дениса Сассу Нгессо (Denis Sassou Nguesso), по поводу их публичного оскорбления как глав иностранных государств, содержащегося в опубликованной издательством “Les Arenes” книге, озаглавленной: “Черное молчание. Кто остановит французскую Африку?” (“Noir Silence. Qui arrktera la Franzafrique?”).

33. Парижский Трибунал большого процесса считает, что “состав преступления, установленный статьей 36 закона о печати, и ее применение в судебной практике не соответствуют комплексу требований, предусмотренных статьей 10 Европейской Конвенции” по трем следующим причинам. Во-первых, суд констатировал, что статья 36 устанавливает в пользу глав иностранных государств “исключительный режим уголовного права, прибегающий к чрезвычайно широкому определению инкриминируемого поведения и исключаяющий любое обсуждение доказательств истинности приводимых фактов до такой степени, что ученые-теоретики сходятся во мнении, что главы иностранных государств пользуются во Франции защитой, более высокой, чем глава самого французского государства или руководитель французского правительства”.

34. Во-вторых, Суд констатировал, что термин “оскорбление руководителей государства” не определен в законе и соответствует неопределенной, трудно интерпретируемой формулировке. Чтобы обосновать это утверждение, суд напоминает определение, данное судебной практикой, согласно которому под оскорблением понимается “любое выражение оскорбительного или презрительного характера, любое оскорбительное или клеветническое обвинение, которое высказано, как по поводу исполнения служебных функций, так и по поводу частной жизни, способно затронуть честь, достоинство или искренность чувств главы иностранного государства”, свидетельствующее, что столь общая формулировка предполагает “широкое поле для субъективных оценок в определении правовой сути нарушения”, что не позволяет журналисту или писателю заранее и с достаточной уверенностью знать область запрета. Более того, суд посчитал, что различие, которым пытались оперировать ученые-теоретики, между приемлемой критикой, то есть такой, которая направлена на политические действия главы иностранного государства, и оскорблением, достойным осуждения, а именно таким, которое направлено против самой личности главы иностранного государства, доказать затруднительно, как это показали исследования теории права по данному вопросу, утверждающие, что “оскорбление, нанесенное в отношении политических действий, неизбежно затрагивает личность”.

35. В-третьих, суд посчитал, что такой состав преступления не является необходимой мерой в демократическом обществе, так как состав преступления, определенный законом от 29 июля 1881 г. касательно клеветы и оскорбления, достаточен, чтобы позволить любому главе государства, как и любому лицу, предъявить претензии по поводу

утверждений, посягающих на честь или достоинство личности или оказавшихся оскорбительными.

36. И, наконец, основываясь на терминологии статьи 6 Конвенции, суд отметил, что неясный характер термина “оскорбление” не позволяет обеспечить соответствующую защиту в рамках закона от 29 июля 1881 г., и тот факт, что такое обвинение лишало обвиняемого права представления доказательств истинности приведенных фактов, нарушает принцип равенства сторон.

37. Документы не подтверждают, было ли это решение обжаловано, и если так, то, что с ним произошло.

38. 12 марта 2001 г. один из членов сената внес законопроект, имеющий целью отменить существующий порядок производства по делам об оскорблении главы иностранного государства. Представленные документы также не позволяют сделать вывод, увенчается ли эта новая инициатива успехом.

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

39. Заявители ссылаются на нарушение статьи 10 Конвенции, основные положения которой читаются следующим образом:

“1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. <...>.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе <...> для защиты репутации или прав других лиц <...>”.

A. Аргументы сторон

1. Заявители

40. Заявители придерживаются мнения, что положение статьи 36 закона от 29 июля 1881 г. не может считаться необходимым в демократическом обществе и, следовательно, иметь законную цель, ввиду того, что оно не имеет иной цели, кроме запрета любой критики по отношению к главе государства, даже если эта критика имеет отношение только к проводимой этим главой государства политике, — независимо от того, является ли она правильной или нет. аргументы Правительства, относящиеся к законности преследуемой цели, позволяют допустить существование настоящей привилегии в пользу глав иностранных правительств, поведение или действия которых в рамках исполнения ими их функций не могут явиться предметом даже малейшей критики, каким бы достойным порицания ни был их характер, так как, по определению, такая критика, посягая на их достоинство и репутацию, была бы оскорбительна. В самом деле, состав преступления классифицируется даже в том случае, если утверждение оказалось бы точным, как в данном случае, ибо согласно соответствующим положениям теории права, доказательство истинности фактов запрещено, чтобы не вовлекать лично главу государства в спор,

который нанес бы урон тому уважительному отношению, с которым к главе государства подобает относиться в силу его положения. Свободе распространения информации представляющей общественный интерес, статья 36 противопоставляет престиж положения или звания, которому она и отдает предпочтение.

41. Иск в суд о привлечении к ответственности за распространение диффамационных сведений, обычно выполняющий функцию равновесия между свободой информации и законным правом на защиту прав, позволил бы королю Марокко подтвердить соблюдение его права на презумпцию невиновности и его репутацию. В рамках такого действия журналист мог бы быть освобожден от ответственности, если бы он представил доказательство истинности фактов, оцениваемых как диффамационные. Такая ситуация не может иметь места в случае оскорбления, так как доказательство истинности фактов оскорбительного характера запрещено. Перевод бремени доказывания добросовестности в режиме уголовного преследования за оскорбление главы иностранного государства не может никоим образом компенсировать лишение права представления доказательств по клеветническим фактам, так как сам вопрос добросовестности не ставится, поскольку доказательство истинности фактов не предусмотрено.

42. Кроме того, возражения Правительства, касающиеся того, каким образом журналисты выполнили свои функции, несущественны. Право свободно распространять содержание докладов, составленных публичными властями или по их заказу, не может сочетаться, как этого требует Правительство, с ограничениями, такими как осуществление “дополнительных расследований, чтобы убедиться в уместности заключений обвиняющей организации”; это то, что Суд впрочем, установил в судебном постановлении *Bladet Tromsø & Stensaa vs. Norway* (IGC), № 21980/93, судебное постановление от 20 мая 1999г., CEDH 1999-III). По данному делу Европейская Комиссия несколько не отмежевывалась от отчета “OGD”, а тот отчет, что был опубликован, не является другой версией того, что рассматривало Правительство, — по требованию Комиссии были изъяты только имена лиц, вовлеченных в торговлю наркотиками, с целью облегчить проведение переговоров с марокканскими властями. Таким образом, эта озабоченность, вполне законная для политического органа, не может быть навязана печатному органу. Позиция, занятая Комиссией, могла бы считаться оправдывающей запрет для печати на разглашение содержания первого варианта этого отчета только в рамках проводимых переговоров, законность которых не оспаривается.

43. Кроме того, не может быть принят как аргумент, оправдывающий вмешательство в свободу слова, и тот факт, что при ее подготовке статья не подвергалась экспертизе с участием представителей противной стороны. Если согласиться с этим положением, то потребовалось бы, чтобы любая информация, полученная в форме расследования, отражала бы различные точки зрения; таким образом, не оставалось бы места для обычного отчета, исходящего от официальной власти. Конечно, уважение принципа состязательности не может быть отделено от долга проверки, но этот долг оценивается иначе, когда речь идет об информировании общества об отчете, заказанного органами публичной власти и не дезавуированного ими.

44. Наконец, заявители напоминают, что согласно практике суда, полемический тон не является обстоятельством, которое могло бы оправдать вмешательство в реализацию прав свободы информации. А в данном деле тон был сдержанным, а спорные статьи не носили сенсационного характера. Не было использовано какое-либо определение, старающееся придать этому отчету шокирующего эффекта; представление материала было выдержано в умеренном тоне и не может расцениваться как полемический выпад.

45. Что касается изложения судебной практики, представленного Правительством для обоснования его тезисов, то заявители обращают внимание на то, что если решения суда

от 2 октября 1997 г. и от 13 марта 1998 г. определяют, что инкриминирование оскорбления не чинит препятствий праву критики политического характера, то обвинительный приговор и судебное постановление Суда от 27 июня 1995 г. имели отношение исключительно к поведению главы иностранного государства, лишенному политического характера.

2. Правительство

46. Правительство придерживается мнения, что вынесенный обвинительный приговор оправдывается существованием некоторых ограничений в реализации права на свободу сношений.

47. Во-первых, Правительство подчеркивает, что оспариваемое ограничение было предусмотрено законом, а именно, статьей 36 закона от 29 июля 1881 г., и преследовало законную цель защиты репутации и прав третьего лица. Действительно, инкриминированные статьи непосредственно ставили под сомнение намерение, объявленное марокканскими властями, и в первую очередь королем, бороться с торговлей гашишем с марокканской территории. Эти статьи, опубликованные в крупнейшей ежедневной национальной газете, имели, таким образом, целью бросить тень на самые высокие марокканские власти, и в частности на короля, и посягали на его достоинство и репутацию.

48. Во-вторых, Правительство утверждает, что такое вмешательство было “необходимо в демократическом обществе”.

49. Обвинительный приговор был вынесен на основании констатации национальными судебными органами клеветнического характера некоторых утверждений, направленных против короля Марокко. Апелляционный суд и Кассационный суд фактически осудили недоброжелательные обвинения и несоблюдение принципов журналистской этики. Для обоснования осуждения заявителей судебные органы вменили им в вину, с одной стороны, оскорбительный характер спорных доводов, а с другой — неискренний характер их публикации. как Исправительный трибунал, так и апелляционный суд отметили, что данные статьи были направлены непосредственно и лично против короля Марокко — на это было обращено внимание читателей во вступительной статье на первой полосе. Оскорбительный характер статьи подвергал сомнению искренность стремления самого Хасана II положить конец наркобизнесу в своей стране и прекратить вредные разговоры об этом. Апелляционный суд отметил, что рассматриваемые статьи содержат “обвинение в двуличности, уловках, лицемерии, представляющих собой оскорбление главы иностранного государства”, и что он считает неискренность журналистов доказанной. В изложении статей не хватает объективности — проявляя настойчивое желание разоблачить неискренность марокканских властей, они не провели какого-либо дополнительного расследования, чтобы убедиться в соответствии действительности с выводами обвинительного органа.

50. Кроме того, Правительство утверждает, что настоящее дело отличается от вышеупомянутого дела *Bladet Tromsø & Stensaa vs. Norway*. По данному делу заявители представили считавшиеся правдивыми заключения предварительного отчета, составленного в 1994 г. частной организацией, имеющей статус “независимого исследовательского центра”, уполномоченного европейской Комиссией, и представленного таким образом, что при чтении его спорных статей создается впечатление его официального и неопровержимого характера. Затем, европейская Комиссия опубликовала другую версию отчета, в которой имена близких ко двору

марокканских деятелей, предполагаемых защитников торговцев наркотиками, были скрыты, так как эти лица пользовались презумпцией невиновности. Таким образом, документ, описанный в статьях, не соответствует точному официальному окончательному отчету, распространенному Комиссией. Впрочем, довод о непосредственной ответственности марокканских властей в торговле наркотиками не был ни объективным, ни уравновешенным, так как журналисты не упомянули в своих статьях “белую книгу”, опубликованную марокканскими властями в ответ на отчет “OGD”.

51. Кроме того, нельзя упускать из виду, что честь короля Марокко была, безусловно, затронута, так как посредством печати был возбужден процесс, который никогда не мог бы состояться в суде, поскольку король был публично обвинен в правонарушении и не мог отстаивать свое право на презумпцию невиновности, и что король вправе быть защищенным от такого посягательства на свою репутацию.

52. Король Марокко, затронутый рассматриваемыми публикациями как глава государства, не располагал другими средствами, кроме как обращения к статье 36. Действительно, закон 1881 г. рассматривает некоторые гипотезы — общий случай клеветы по отношению к частному лицу (статья 32) и несколько особых случаев клеветы по отношению к органам управления и суда (статья 30), по отношению к гражданским властям (статья 31), к главе французского государства (статья 26) и к главам иностранных государств (статья 36), — и таким образом положения статьи 36 представляют собой *lex specialis* по отношению к статье 32.

53. И, наконец, Правительство подчеркивает незначительность суммы присужденного штрафа.

В. Оценка Суда

1. Общие принципы

54. Суд напоминает следующие фундаментальные принципы, относящиеся к существу рассматриваемого вопроса.

55. Пресса играет выдающуюся роль в демократическом обществе. Если она и не должна переходить определенные границы, стремясь, в частности, защищать репутацию и права третьих лиц, а также препятствовать разглашению конфиденциальной информации, то на ней, тем не менее, лежит обязанность публиковать, признавая свои права и свою ответственность, информацию и идеи по всем общественно значимым вопросам (судебное постановление *Haes & Gijssels vs. Belgium* от 24 февраля 1997, Сборник судебных постановлений и решений от 1997-I, стр. 233-234, § 37). К задаче прессы, состоящей в том, чтобы распространять информацию, добавляется право общественности — ее получать. Если бы это было иначе, печать не смогла бы играть необходимую роль “сторожевого пса” (см. судебное постановление *Thorgeir Thorgeirson vs. Island* от 25 июня 1992 г., серия А № 239, стр. 28, § 63, и вышеупомянутое судебное постановление *Bladet Tromsø & Stensaa vs. Norway*, § 62).

56. Эти принципы имеют особое значение для прессы. Если она не должна переходить границы, очевидно установленные, в частности, принципа “защиты репутации третьих лиц”, то на прессе, тем не менее, лежит обязанность сообщать информацию и идеи по политическим вопросам, также как и по другим вопросам, имеющим общественное значение. Что касается границ приемлемой критики, то они шире по отношению к политическому деятелю, действующему в качестве общественной фигуре, чем просто по отношению к частному лицу. Политический деятель неизбежно и сознательно выставляет

свои действия и поведение под пристальный контроль, как журналистов, так и общества, и поэтому должен проявлять огромную терпимость, главным образом, когда он сам делает публичные заявления, которые могут подвергнуться критике. Политический деятель, безусловно, имеет право защищать свою репутацию даже вне рамок частной жизни, но требованиям такой защиты должны быть противопоставлены интересы свободного обсуждения политических вопросов, с учетом ограничений свободы слова, которые должны иметь ограниченную интерпретацию (см., в частности, судебные постановления *Oberschlick vs. Austria* (№ 1) от 23 мая 1991 г., серия А № 204, стр. 25-26, §§ 57-59, и *Vereinigung demokratischer Soldaten Österreichs u Gubi vs. Austria* от 19 декабря 1994 г., серия А № 302, стр. 17, § 37).

57. К тому же “необходимость” какого-либо ограничения в реализации права свободы слова должна быть доказана убедительно ясно. Конечно, национальным властям надлежит, прежде всего, оценивать, существует ли “настоятельная общественная потребность”, способная оправдать это ограничение, но уже сама такая оценка имеет некоторый разброс критериев. Когда дело касается прессы, национальные власти при такой оценке сталкиваются с интересами демократического общества, желающего обеспечить и сохранить свободу печати. Следует придать более значительный вес этому интересу, поскольку речь идет о том, чтобы определить, как этого требует параграф 2 статьи 10, насколько ограничение соразмерено законно преследуемой цели (см., *mutatis mutandis*, судебные постановления *Goodwin vs. Great Britain* 27 марта 1996 г., Сборник 1996-II, стр. 500-501, § 40, и *Worm vs. Austria* от 29 августа 1997 г., Сборник 1997-V, стр. 1551, § 47).

58. Суд, когда он осуществляет этот анализ, ни в малейшей степени не ставит перед собой цель подменять национальные судебные органы, но он обязан проверить с позиции статьи 10 решения, которые они выносят в рамках своих полномочий. Для этого Суд должен рассмотреть спорное вмешательство национальных судов в свете всех обстоятельств дела, чтобы определить, являются ли доводы, приведенные национальными властями для его обоснования, “существенными и достаточными” (см., среди многих других, судебное постановление *Fressoz & Roire vs. France [GC]*, № 29183/95, § 45, CEDH 1999-I).

2. Применение вышеупомянутых принципов в данном деле

59. По данному делу заявители были осуждены за то, что они опубликовали материалы, оскорбляющие главу государства — короля Марокко, поскольку они поставили под сомнение намерение, объявленное марокканскими властями, и в первую очередь королем, бороться против торговли гашишем с марокканской территории.

60. Приговор, бесспорно, оценивается как вмешательство в осуществление заявителями их права на свободу слова.

61. Вопрос состоит, таким образом, в определении того, может ли подобное вмешательство быть оправдано с позиции параграфа 2 статьи 10. Необходимо определить, было ли это вмешательство “предусмотрено законом” и преследующим “законную цель” в силу этого параграфа и было ли оно “необходимым в демократическом обществе” (судебное постановление *Lingens vs. Austria* от 8 июля 1986 г., серия А № 103, стр. 24-25, §§ 34-37).

62. Суд констатирует, что компетентные французские судебные органы основывались на статье 36 закона от 29 июля 1881 г. о свободе печати и что мотивировки решений

преследовали, как это поддерживает Правительство, законную цель: защитить репутацию и права третьего лица, в данном случае короля Марокко.

63. Суд должен, между тем, проверить, насколько это законное вмешательство было оправдано и необходимо в демократическом обществе и, в частности, было ли оно соразмерено и являются ли доводы, предоставленные национальными властями в их защиту, существенными и достаточными. Таким образом, важно определить, правильно ли национальные власти использовали свою власть при оценке правонарушения в связи с оскорблением при осуждении за это заявителей.

64. Суд отмечает, что у французского общества был законный интерес быть информированным об оценке, данной Комиссией европейских сообществ по такой проблеме, как производство и торговля наркотиками в Марокко — стране, которая представила свою кандидатуру на вступление в сообщество и которая при любом положении дел поддерживает тесные отношения со странами — членами сообщества, в особенности с Францией.

65. Суд напоминает, что по принципу “обязанностей и ответственности”, присущих осуществлению свободы слова, гарантия, которую статья 10 предоставляет журналистам относительно распространения информации по вопросам, имеющим общественное значение, подчинена условию, по которому заинтересованные лица действуют искренне и таким образом, чтобы представить точную и достойную доверия информацию, уважая профессиональную журналистскую этику (вышеупомянутое судебное постановление *Goodwin...*, стр. 500, § 39, и вышеупомянутое судебное постановление *Fressoz & Roire...*, § 54). В отличие от того, как определили судьи по апелляции и кассации, Суд считает, что в данном деле отчет “OGD” не был оспорен в том, что касается его содержания, и поэтому может законно рассматриваться как внушающий доверие в том, что касается спорных утверждений. Когда он способствует общественному обсуждению вопросов, вызывающих законную озабоченность, пресса может, в принципе, опираться на официальные доклады, не предпринимая независимых расследований. В противном случае, печать не будет в состоянии выполнять необходимую роль “сторожевого пса” (см., *mutatis mutandis*, вышеупомянутое судебное постановление *Goodwin...*, стр. 500, §39). Таким образом, Суд считает, что “Le Monde” оправданно могла опереться на отчет “OGD”, не проверяя самостоятельно точность фактов, которые в нем содержались. Суд не имеет никакого основания сомневаться в том, что заявители действовали в этом отношении искренне и считает, таким образом, что доводы, приведенные национальными судебными органами, не убедительны.

66. Кроме того, Суд подчеркивает, что в данном деле заявители были осуждены, так как опубликованная статья посягала на репутацию и на права короля Марокко. Суд отмечает, что в отличие от уголовной процедуры по клевете, инкриминирование публичного оскорбления не позволяет заявителям использовать *exceptio veritatis*, то есть доказывать правдивость своих утверждений для того, чтобы иметь возможность освободиться от уголовной ответственности. Эта невозможность доказывать правдивость представляет собой чрезвычайную меру, чтобы защищать репутацию и права лица, особенно если речь идет о главе государства или правительства.

67. К тому же Суд констатирует, что с момента вынесения постановления парижским трибуналом большого процесса от 25 апреля 2001 г. национальные судебные органы склонны признавать, что деликт, определенный статьей 36 закона от 29 июля 1881 г., и его применение в судебной практике представляет собой ущемление права свободы выражения мнения, содержащегося в статье 10 Конвенции. Таким образом, национальные власти, похоже, сами допускают, что такой деликт не является необходимой мерой в демократическом обществе для достижения подобной цели, поскольку деликт клеветы и

оскорбления, который соразмерен с преследуемой целью, достаточен для защиты главы любого государства, как и любого человека, чтобы наказывать утверждения, посягающие на их честь и достоинство или оказавшиеся оскорбительными.

68. Суд констатирует, что применение статьи 36 закона от 29 июля 1881г., касающейся правонарушений, связанных с оскорблением, тяготеет к тому, чтобы придать главам государства привилегированный статус в уголовном праве, ограждая их от критики только ввиду их положения или статуса без какого-либо принятия в расчет интересов критики. Суд считает, что это означает предоставление главам иностранных государств чрезмерной привилегии, которая несовместима с практикой и современными политическими концепциями. Каким бы очевидным не был интерес для любого государства поддерживать дружеские и доверительные отношения с руководителями других государств, эта привилегия является чрезмерной по отношению к тому, что необходимо для достижения такой цели.

69. Суд отмечает, таким образом, что правонарушение, связанное с оскорблением, тяготеет к ущемлению свободы выражения мнения и не соответствует какой-либо “настоятельной общественной потребности”, способной оправдать это ограничение. Суд уточняет, что этот режим, предоставляемый статьей 36, содержащей положение о защите глав иностранных государств, является посягательством на свободу слова, поскольку предоставляет этим последним право требовать наказания за само посягательство на их честь и достоинство или оскорбительные заявления, высказанные в их адрес. Как это возможно в общих для всех правовых условиях?

70. В качестве резюме: даже если основания, приведенные государством-ответчиком существенны, они не являются достаточными для доказательства того, что оспариваемое вмешательство было “необходимым в демократическом обществе”. Несмотря на расхождение с национальными властями в оценке, Суд считает, что не существовало справедливого и пропорционального соотношения между ограничениями, навязанными свободой слова заявителей, и преследуемой законной цели. Суд считает, что в тот момент имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

71. В соответствии со статьей 41 Конвенции,

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.”.

A. Ущерб

72. Заявители требуют 10 000 французских франков (FRF), выплаченных по приговору суда в качестве штрафа господами Коломбани и Инсиану, 10 001 FRF в виде гражданских штрафов, выплаченных королем Марокко, и 6 870 FRF в виде расходов на публикацию приговора в газете “Le Monde”, что в общей сложности составляет 26 871 FRF, то есть 4 096,46 евро (EUR).

73. Правительство считает, что простая констатация нарушения представила бы сама по себе достаточно справедливое удовлетворение. Оно подчеркивает, что сумма, которую

надо было выплатить королю Марокко, была установлена в размере 1 FRF, и что сумма в 10 000 FRF была назначена на основании статьи 475-1 уголовно-процессуального кодекса. Заявители не смогли бы поставить под сомнение исполнение приговора, ставшего окончательным, и заставить государство возратить суммы, выплаченные королю Марокко или его адвокату.

74. Суд напоминает, что согласно его правовой практике, выплаченная в качестве возмещения ущерба сумма покрывается только в том случае, если причинная связь между нарушением Конвенции и понесенным ущербом установлена. Таким образом, в данном деле, могут быть приняты в расчет суммы, которые заявители были обязаны оплатить своим противникам на основе судебных постановлений.

75. В результате, сумма, которую надлежит выплатить заявителям, будет равняться 4 096,46 EUR.

В. Судебные издержки

76. Заявители требуют 1 600 FRF в виде прямых твердых сборов по процедуре, вытекающей из постановления парижского суда, 54 270 FRF в виде гонораров адвокату за помощь в судах первой и второй инстанции, рассматривавших дело по существу, и 42 210 FRF в виде гонораров адвокату в Кассационном суде, что составляет общую сумму в 14 952,20 EUR. По процедуре Суда, заявители требуют 60 000 FRF в качестве гонораров адвокату, плюс 25 000 FRF в виде расходов по возможному заседанию национального Суда.

77. Правительство подчеркивает, что заявители не представили никакого обоснования своих требований, в частности, по отношению к внутренним судебным органам. Кроме того, Суд отказал заявителям в просьбе на заседание по данному делу.

78. Суд напоминает, что Заявитель может получить компенсацию своих судебных издержек только в случае, если их реальность, необходимость, размеры выплачиваемых ставок и их разумный характер установлен. По данному делу относительно расходов и гонораров, потребовавшихся для национальных процедур, Суд признает их разумными и присуждает выплатить их полностью. Однако Суд оценивает гонорар по процедуре Суда, и определяет его равным 6 900 EUR.

С. Мораторная процентная ставка

79. Согласно информации, которой располагает Суд, применяемая установленная законом процентная ставка во Франции на день принятия настоящего постановления составляет 4,26 % в год.

Руководствуясь этими доводами, Суд единогласно:

1. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановляет*:

а) что государство-ответчик должно выплатить заявителям в течение трех последующих месяцев, начиная с дня, когда данное постановление окончательно вступит в силу в соответствии с § 2 статьи 44 Конвенции, следующие суммы:

і) 4 096,46 EUR (четыре тысячи девятьсот шесть евро и сорок шесть центов) в качестве возмещения материального ущерба;

ii) 21 852,20 EUR (двадцать одну тысячу восемьсот пятьдесят два евро и двадцать центов) в качестве возмещения судебных издержек;

iii) любую сумму, которая будет требоваться к выплате в качестве налога на вышеупомянутые суммы;

b) все эти суммы увеличить на простую процентную ставку в 4,26 % годовых, начиная с истечения указанного срока и вплоть до выплаты;

3. *Отклоняет*: остальные требования о справедливой сатисфакции.

Совершено на французском языке, затем, во исполнение §§ 2 и 3 статьи 77 регламента, передано в письменном виде 25 июня 2002г.

А.Б.Бака (A.B. Baка), Председатель

С.Доль (S. Dolle), Секретарь Суда;

© Перевод Института проблем информационного права (г.Москва), 2002